

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ «ПЕРСОНОЛОГИЯ»: К ВОПРОСУ ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ В БИХЕВИОРАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ

В. Н. Сергеев

Университет гражданской защиты

МЧС Беларуси,

Минск, Беларусь,

v.n.sergeev@gmail.com

Вопросы, связанные с возникновением, функционированием и развитием личности, продолжают волновать исследователей, представляющих самые разные течения психологии. Не остались в стороне и представители поведенческих ее направлений. Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой в бихевиоризме личностной проблематикой пренебрегают, а психологию как науку вообще дегуманизируют. Такой взгляд возник не на пустом месте, он во многом справедлив в отношении классического, методологического бихевиоризма, основные принципы которого были сформулированы Дж. Уотсоном. Однако в современных подходах, продолжающих и развивающих принципы оперантной психологии (особенно «позднего Скиннера»), дело обстоит несколько иначе. И тем более личностная направленность характерна для социально-когнитивной теории, представляющей собой следующую ступень в развитии теории социального научения.

Задачей данной публикации является анализ и оценка «личностной» составляющей двух указанных версий современной психологии поведения. Упомянутая составляющая оценивается при помощи терминологии, характерной для традиционных теорий личности: «личность», «индивидуальность», «уникальность», «автономность», «последовательность», «Я» (self) и «агентность» (agency).

Ключевые слова: бихевиоризм, социально-когнитивная теория, личностная детерминация, поведение, личность, агентность, «Я», среда, механицизм, контекстуализм.

DOI: 10.7868/S1819265319010060

Для цитаты: Сергеев В. Н. (2019). Поведенческая «персонология»: к вопросу личностной детерминации в бихевиоральных подходах // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 120–154.

В методологическом смысле современная психология представляет собой богатое многоцветие исследовательских подходов, что иногда затрудняет построение стройной классификации течений. Тем не менее, идея

о разделении психологического знания на ряд магистральных направлений, парадигм, остается актуальной, вопрос заключается лишь в критериях их дифференциации (Юревич, 2007). В любом случае, поведенчес-

кие подходы, в частности бихевиоризм, традиционно находят себе место в любой таксономии.

Прежде, чем перейти к рассмотрению заявленной в названии работы проблемы, следует обозначить, какие именно стратегии исследования поведения могут быть отнесены к бихевиоральной парадигме, что их объединяет и в чем они отличны друг от друга.

Здесь речь идет о тех течениях, которые:

- рассматривают поведение как отдельный феномен, подлежащий изучению в первую очередь;

- стремятся объяснить поведение «из него самого» (в контексте средовых и иных внешних по отношению к поведению воздействий);

- разработали богатый инструментарий анализа, в значительной степени основанный на исследовании механизмов научения;

- сформировали набор практических целей, определивших дизайн соответствующих исследований, – прогноз и модификация поведения в клинической, коррекционной и иных видах работ (Critchfield, Reed, 2017, p. 124).

К таким течениям относятся прежде всего современные версии бихевиоризма (анализа поведения, оперантной психологии) и социально-когнитивный подход.¹ Структурно они организованы примерно следующим образом:

а) наиболее общие эпистемологические принципы. Они затрагивают вопросы объективности, достоверности, стратегии исследования, допустимости тех или иных данных, включают «ядерный» научный глоссарий и т. д. Их разработкой занимались и занимаются «базовые» теории, внесшие фундаментальный вклад в формирование концептуального ядра. Прежде всего это – радикальный бихевиоризм Б. Скиннера, интерактивный бихевиоризм Дж. Кантора, а также теория социального научения и (затем) социально-когнитивная теория А. Бандуры. Бихевиористские подходы, ныне разрабатывающие подобные вопросы, иногда объединяют термином «концептуальный анализ поведения» (Ardila, 2001, p. 1064; Fugman, Lepper, 2018).

На этом уровне можно наблюдать «расщепление» (но не полное разделение) концептуального ядра, определившее отличие двух бихевиоральных течений по вопросу статуса когнитивной сферы в исследовании:

- в социально-когнитивном подходе активно разрабатывается вопрос когнитивных переменных поведения (на основе признания за когнитивной сферой равного статуса с другими детерминирующими инстанциями);

- в концептуальном анализе поведения возможны варианты: от форму-

¹ Содержащий собственно социально-когнитивную теорию (А. Бандура) и различные «субтеории», созданные на ее основе. Много и справедливо говорится (в том числе самим Бандурой) о том, что социально-когнитивный подход нельзя считать бихевиористским. Со-

гласимся с этим и мы, внеся одно уточнение: с нашей точки зрения данное направление является бихевиоральным, но при этом не бихевиористским. Некоторые пояснения такой позиции будут даны по мере изложения.

лы «познание как поведение» (Baum, 2017) в более консервативных подходах в духе «позднего Скиннера»² до признания за когнитивной сферой особого статуса в некоторых вариантах так называемого контекстуализма.

Камнем преткновения здесь служит вопрос о степени допустимости и концептуальном статусе теоретических конструктов в исследовании.

б) совокупность *частных подходов и теорий*, наполнение которых зависит от того, как их авторы «ответили на вопросы» предыдущего пункта (например, «молярный» бихевиоризм У. Баума, «психологический» бихевиоризм А. Стаатса, теория реляционных фреймов, теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана и т. п.).³ На этом же уровне происходит разделение каждого из течений по предмету (экспериментальный анализ поведения, поведенческая экология, поведенческие нейронауки, клинические подходы и т. д.);

в) конкретные виды терапии, модели поведения, различные методики изучения и изменения поведения (например, прикладной анализ поведения, терапия принятия и ответственности и т. п.).

В данной публикации мы затронем и сопоставим наиболее общие

положения некоторых теорий (преимущественно «базовых») относительно личностной проблематики.

Современные «бихевиоризмы»

Первое, от чего стоит предостеречь и чего мы в дальнейшем будем избегать, – это отождествление современного бихевиоризма с его классическим, уотсоновским вариантом, который, по справедливому замечанию А. А. Федорова, «...интересен лишь в историческом аспекте, но – как это ни удивительно – до сих пор многочисленные источники, особенно русскоязычные, отождествляют бихевиоризм вообще с бихевиоризмом Уотсона» (Федоров, 2010, с. 23). Следует также подчеркнуть, что с крахом программы методологического бихевиоризма, предложенной Дж. Уотсоном (Watson, 1913), практически завершились и экспансионистские устремления поведенческого направления (в стиле «бихевиоризм и есть (вся) научная психология»). Б. Скиннер еще мог позволить себе пикировки с «менталистскими» и когнитивными течениями психологии, но и он делал это уже в не столь категоричной форме, а скорее в виде предложения (заявляя о

² Под «поздним Скиннером» мы будем понимать период, в котором автор акцентированно разрабатывал проблемы личных событий, скрытого поведения, вопросы вербального поведения и др. (см., например, Skinner, 2013).

³ Что приводит исследователей к использованию термина «бихевиоризм» во множественном числе (O'Donohue, Kitchener, 1999), причем в отношении не только современных под-

ходов, но и в диахронии. В социально-когнитивном подходе множественное число по отношению к конкретным теориям не используется, хотя с нашей точки зрения это было бы вполне оправдано. Причем ряд подходов, в основе которых лежат социально-когнитивные идеи (что следует, например, из ссылок на соответствующие работы), напрямую не позиционируются именно в качестве социально-когнитивных.

«бихевиористской альтернативе» тем или иным подходам). Однако, поскольку его попытки модернизации идей в ответ на кризис бихевиоризма и когнитивную революцию при сохранении сути поведенческого подхода чаще всего воспринимались как научная ортодоксия (Bandura, 1998, p. 1), его научное и литературное наследие вызывали непонимание и критику с разных сторон (Федоров, 2017), превращая негативизм в отношении бихевиоризма в противостояние научных идеологий. В силу этого современные концепции оперантной психологии сформировались с некоторым отставанием от, например, теории социального научения, и экспансионизм для них не характерен.

Если принять за условную точку отсчета состояние науки о поведении на рубеже 50–60-х годов,⁴ то с этого момента в общем-то стабильный набор поведенческих принципов стал той основой, из которой, под влиянием когнитивной революции и кризиса бихевиоризма, начинают «прорастать» различные исследовательские течения, одним из которых и стала оперантная психология. К 90-м годам сформировалась та совокупность ее вариантов, которую мы обозначаем терминами «современный бихевиоризм», «анализ поведения» или, вслед за рядом исследователей,

«бихевиорологией» (Ульман, 2009; Федоров, 2013).⁵ Общим для всех этих течений является набор методологических принципов, в числе которых «строгий поведенческий экстернализм» в локализации предмета исследования (Lazzeri, 2015),⁶ индуктивно-дескриптивный подход в построении теории, поведение как ключевое понятие, акцент на научение и др.

Указанный набор принципов определяет и специфическое место бихевиоризма в научных классификациях – его относят не только к психологии, но и, шире, к группе так называемых поведенческих наук (наук о поведении, behavior sciences). Эту категорию, указанное обозначение которой введено в оборот американским психологом Дж. Г. Миллером в 1949 году, объединяет общая установка на приложение научных принципов к исследованию поведения организмов, что применимо «... к таким дисциплинам, как психология, антропология, социология, поведенческая зоология, и любой другой дисциплине, посвященной изучению поведения с научной точки зрения» (Colman, 2015).

Ниже следует кратко обозначить некоторые теоретические положения, определяющие концептуальное своеобразие анализа поведения. Однако при этом мы будем учитывать,

⁴ Имея в виду прежде всего события, связанные с началом когнитивной революции.

⁵ Впрочем, термин «бихевиорология» относится к определенной группе поведенческих концепций, о чем будет сказано ниже.

⁶ И вытекающий из него своеобразный «принцип достаточности»: если явление можно объ-

яснить в терминах связи поведения и среды, нет необходимости наделять конструкты субъективности каузальными свойствами даже из «гуманистических» соображений. Как мы увидим, в предметном поле бихевиоризма много и не требуется.

что сама поведенческая психология отнюдь не демонстрирует гомогенности теоретических установок, и, как отмечалось, включает набор частных теорий, которые можно разместить вдоль своеобразной шкалы. На одном ее полюсе будут находиться более консервативные, в том числе ориентированные на фундаментальный статус, подходы, развивающие идеи «позднего» Скиннера и считающие в целом достаточными те возможности, которые эти идеи дают. На другом полюсе можно расположить контекстуальные (постскиннерианские) подходы, возникшие под влиянием интерактивного бихевиоризма Дж. Кантора.

«Бихевиоральный материализм» vs контекстуальный прагматизм

Один из ключевых критериев, определяющих распределение бихевиористских подходов по указанной в предыдущем абзаце шкале, связан с решением вопроса об истинности исследовательских данных. В этом ключе Дж. Ульман противопоставляет материалистические, ориентированные на фундаментальные знания течения «бихевиорального материализма» прагматическим, релятивистским по направленности контекстуальным подходам (Ульман, 2019). При беглом взгляде различия между ними очевидны. «Для материалиста истина определяется в терминах соответствия между реальным и независимо существующим материаль-

ным миром и тем, что мы о нем говорим» (Ульман, 2019, с. 22). Прагматическая же ориентация, напротив, означает, что в основе исследовательского нарратива избравших ее подходов лежит метафора «изобретения» (invention), согласно которой научная деятельность представляется как процесс, «...посредством которого мы “изобретаем” ...способы говорить о мире как полезном для нас», в противовес более традиционному, позитивистскому нарративу «открытия» (discovery)⁷ (Brown, Gillard, 2015, p. 24). Это объясняется в том числе выраженной практической ориентированностью подхода, значительная часть публикаций в рамках которого содержит описания экспериментальных исследований, а подавляющая – примеров клинической и коррекционной работы.

Соответственно, материализм «...полагает, что (а) существует материальный мир, (б) то, что мы говорим и пишем о нем, не является произвольным, а зависит от практик подкрепления нашего вербального сообщества, и (в) эти практики в свою очередь зависят от подкрепляющих явлений материального мира, как социальных, так и несоциальных» (Ульман, 2019, с. 24). Причем под «нашим вербальным сообществом» автор вслед за Б. Скиннером понимает, прежде всего, академическое сообщество, и вопрос истинности данных во многом становится именно вопросом научной ответственности, релевантности избранного инструментария и

⁷ Согласно которому мир существует во всем своем многообразии еще до акта (научного)

наблюдения за ним, исследователь лишь все больше и больше делает его доступным.

следования принципам научного познания в целом. Этим фактом во-многом объясняется выраженный научный консерватизм бихевиоризма, жесткие требования к организации исследований,⁸ индуктивистские стратегии прироста знаний, настороженность в отношении ряда других, прежде всего «менталистских» парадигм психологии, стремление опираться на ограниченный круг проверенных данных и законов поведения. С другой стороны, благодаря этой особенности, данные наук о поведении не столько противоречат достижениям иных направлений, сколько, напротив, составляют «эпистемологический фундамент для тех наук, которые исследуют поведения, включая так называемые социальные науки» (Ульман, 2009, с. 34), относясь к числу фундаментальных наук о психической жизни (Rachlin, 2013, p. 192). В современном прочтении идеи ряда исследователей (Г. Рахлин, Дж. Ульман и др.) о том, что поведенческие науки могут быть фундаментом для когнитивных, сегодня уже совершенно не означают, что на место когнитивного психолога должен прийти бихевиорист. Скорее наоборот, речь идет о том, что когнитивисту и бихевиористу есть что дать друг другу, оставаясь при этом самими собой.

Прагматически же ориентированный контекстуализм действительно оставляет открытой проблему характера тех данных, которыми он опери-

рует (если мы «изобретаем», а не «открываем» нечто, то как наше знание вообще может заслуживать доверия и быть стабильным?). Установка на прагматизм, если ее упрощать до максимума, указывает на то, что об истинности знания свидетельствует его полезность (Немов, 2007, с. 307). Вместе с тем релятивистские подходы вовсе не отказываются от бихевиористской основы и тогда может казаться неясным, как установка на «изобретение», описанная выше, согласуется с научной строгостью. Даже если исходить из того, что цель, к которой стремится бихевиорист, – это чаще всего модификация поведения, то в каком случае можно вести речь о научно обоснованных изменениях, исключающих чрезмерную произвольность в обращении с необходимой информацией?

Разрешение такого парадокса (научные требования вне логики «открытия») происходит в рамках анализа проблемы соответствия (congruence) знания о действительности и самой действительности. С точки зрения контекстуализма такого соответствия крайне сложно добиться: для достижения «великого понимания» потребовалось бы доказать высокую степень тождественности между онтологической реальностью, ее наблюдением и ее описанием, что сопряжено со слишком большими трудностями (см. Barnes-Holmes, 2000, p. 193).⁹ Вместе с тем,

⁸ Которые А. Бандура назвал слишком консервативными даже для естественных наук (Bandura, 1998, p. 1).

⁹ Отметим только, что подобная установка относится к «человеческой» проблематике. В этом смысле контекстуальный бихевиоризм можно условно обозначить как «гуманитар-

если переформулировать цели исследования в прагматическом ключе и представить их, например, как «прогноз и влияние (prediction-and-influence) на поведение людей, а также на действия групп и организаций» (Biglan, Hayes, 2016, p. 41), то можно отойти от установки на «созерцательный» характер научного знания и перевести описанную проблему соответствия в плоскость социального согласия. С другой стороны, такое согласие может быть гораздо более надежным в случае, если указания на истинность могут быть обнаружены и вне социальных соглашений об онтологической реальности.¹⁰

Дисциплинарная онтология бихевиоризма

Одним из ключевых методологических допущений исследовательской программы бихевиоризма является следующее: то, что известно, всегда является поведенческой функцией (поведением) (Barnes-Holmes, 2000, p. 197). Это допущение является типичным примером прагматической установки, которая, однако, не снимает вопроса о том, что делать с реальностью «как таковой». И в этом вопросе мы можем проследить некоторую эволюцию концептуального ядра, предопределившую расположение бихевиористских подходов на упомянутой выше условной шкале.

Противоречия традиционной механистической онтологии. Исследователи отмечают своеобразную двойственность онтологического и эпистемологического измерений бихевиоризма (Reese, 1993; Barnes, Roche, 1994). Еще со времен уотсоновской его версии онтологическим статусом наделялись всего три «инстанции»: стимулы, реакции и, имплицитно, организм, что «...формально согласуется с онтологиями естественных наук..., но не включает специфические их элементы, такие, как ферменты и ДНК, химические элементы и углеводы, субатомные частицы и энергетические поля» (Reese, 1993, p. 67).

Такая позиция во многом соответствует механистической «гипотезе о мире» в смысле С. Пеппера (образцом для всех вещей является механизм, а явления природы выступают как продукты передачи сил, см. Барский, 2008, с. 94), и обслуживается соответствующим понятийным аппаратом и системой значений, немаловажное место среди которых занимают «механизмы поведения» (Moggis, 1993) и «абсолютность» связки стимула и реакции. Средовые и биологические события как источники стимульного контроля обладают каузальным статусом и выступают в качестве независимых переменных, поведение – переменная зависимая. Так формируется поведенческий механизм: (случайный) внешний стимул с необходи-

мый» в противовес «естественнонаучному» бихевиоральному материализму.

¹⁰ Например, когда произошедшие с клиентом изменения в ходе терапии *на самом деле* соответствуют действительности, то есть это со-

ответствие (действительности) является *событием, наблюдаемым вне описаний клиента*. Только в этом случае критерий полезности реализуется полноценно.

мостью влечет за собой реакцию. При этом сам факт стимулирования организмом контролироваться не может, как не может (во многих случаях) контролироваться и необходимость (и даже характер) реагирования. Более того, подразумевается, что если средой (например, социальной) осуществляется подкрепление тех или иных поведенческих ответов, то это происходит автоматически, непроизвольно, без возможности для субъекта поведения влиять на этот процесс.

Изначально в такой онтологической триаде заключалась (и во многом заключается) сама суть бихевиорального подхода, поскольку жесткая детерминированность поведения позволяла экспериментально изменять его с высокой степенью уверенности в результате. Однако она же, в конечном итоге, привела к серьезному тупику и попыткам ревизии в первой волне необихевиоризма (К. Халл, Э. Толмен и др.), критике и отрицанию бихевиоризма после когнитивной революции и глубоким его трансформациям в конце прошлого века.

«Онтологический минимализм» консервативных подходов. Принципы, заложенные в идеях Уотсона, начали подвергаться ревизии уже с появлением теории инструментального (оперантного) научения, а по мере ее развития и вовсе возникла упомянутая выше проблема двойственности. Скиннерианские трактов-

ки поведения уже сами по себе противоречили простой механистической причинности, наделяя каузальной функцией процессы оперантного обусловливания (организм взаимодействует со средой, производя последствия собственных действий).¹¹ Причем функциональные переменные, контролирующие поведение, становились более научно значимы, чем формальные свойства самой реакции (Gifford, Hayes, 1999, p. 293, 299).

Сама идея оперантного научения неуклонно размывала жесткий детерминизм и механицизм «S-R»-методологии. Оперантная «R-S»-схема устанавливает контингентные отношения между реакцией и подкрепляющим стимулом. «Контингентность» означает особый тип связи между переменными (или событиями), при которой одно из них влияет на *вероятность* другого (The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009, p. 132). Вероятностный характер отношений мало способствует их интерпретации как «грубо-механических» по природе. Дальнейшие стратегии ухода от механицизма уотсоновского подхода¹² заключались в своеобразном увеличении «дистанции» (в том числе временной) между стимулом и реакцией за счет усложнения отношений между ними.

В бихевиоризме наращивание этой дистанции и уход от научения посредством прямого опыта¹³ осуществляет-

¹¹ А не просто поведение как механическую реакцию на внешние воздействия.

¹² Сам факт наличия такой стратегии объединяет все поведенческие течения.

¹³ Отчасти согласившись с замечанием А. В. Чемякиной (Чемякина, 2013, с. 89) о роли прямого опыта подкреплений в оперантной психологии, отметим, однако, что «поздний» Скиннер и тем более современные течения

ся за счет усложнения области сопряжения организма и среды в поведении (то есть контекста, в котором происходит поведенческий ответ), и обуславливается рядом методологических инструментов: научение по последствиям, контингентные отношения, анализ механизмов опосредующего вербального (социального) поведения, выделение личных (private) событий и скрытого (covert) поведения, сложных форм стимульного контроля и реагирования, как бы «размывание» самого средового воздействия.

При этом, несмотря на заметное расширение проблематики, материалистические подходы предпочитают оставаться в рамках добровольных концептуальных ограничений, рассматривая как предмет лишь те явления и процессы, которые могут быть в достаточно категоричной и непротиворечивой форме описаны в поведенческой терминологии (в духе «реально то, существование чего может быть доказано научными методами»). Тем самым они реализуют собственную версию «онтологического минимализма»: коль скоро все то, что известно, является поведением, не следует злоупотреблять конструктами, вводя в предметное поле ненаблюдаемые явления и тем самым снижать степень научной достоверности.

бихевиоризма уделяют значительное внимание именно «непрямому» опыту.

¹⁴ Согласно идеям Дж. Кантора и его последователей, скиннеровская версия оперантной психологии продолжает оставаться «внутри» фундаментального дуализма «тела» и «души» и по-прежнему, пусть и в модернизированном виде, строится на отрицании последней (то

Контекстуальная «не-онтология».

Дисциплинарная онтология контекстуальных подходов всецело определяется спецификой прагматического дискурса. Можно утверждать, что описанный выше «онтологический минимум» характерен и для него, но, с другой стороны, ориентация на практический результат, акцент на «прогноз-и-влияние», а также теоретические корни в интербихевиоризме Дж. Кантора (см. Смит, 2003, с. 185–186) способствовали выраженному концептуальному своеобразию.

Интерактивность: онтологическим статусом в предметном поле контекстуального бихевиоризма теперь обладает интеракция, *взаимодействие* между стимулом и реакцией, наблюдателем и наблюдаемым, трактуемое как *реальное* психологическое событие (Barnes, Roche, 1994, p. 168).¹⁴ Соответственно, предметом анализа, его единицей становится «...отношение, связь между поведением и контекстом, в котором оно происходит» (Dougher, 1995, p. 217).

Опосредование: особый интерес представляет изучение механизмов непрямого воздействия среды, в том числе процессов генерализации, стимульной эквивалентности, специфики вербального поведения и т. п., то есть всего того, что позволяет учитывать «функциональные изменения, не при-

есть она «антименталистская»). Интербихевиористская же перспектива позволяет обойти такой дуальный подход: стимул и реакция становятся здесь *единым* событием в противовес традиционному подходу, в рамках которого стимул рассматривается как относящийся к среде, а реакция – к организму.

сутствующие в ситуации» (например, «предсказанное будущее» или «воспоминания о прошлом») (Gifford, Hayes, 1999, p. 297).

«Включенный наблюдатель»: свою роль сыграло и введение в анализ поведения исследователя в качестве своеобразной переменной. Как отмечается, исследователь вовсе не обладает исключительным приоритетом в доступе к онтологической реальности. Это вполне согласуется с прагматическим подходом к истине, поскольку с этих позиций результаты исследования являются не столько репрезентацией того, что «...крыса или голубь “в действительности” делали в оперантной камере», сколько того, как их поведение может быть изменено в случае, если управляется стимулами, которые предоставляет аналитик (Barnes-Holmes, 2000, p. 198).

Прагматический релятивизм: прикладной направленностью исследований снимаются все претензии на привилегированный доступ к «реальности как она есть» и доминирование в предметном поле психологии: «если научная деятельность поведенческого прагматика является продуктом <его собственной – В.С.> поведенческой истории, то он ...никогда не сможет утверждать, что нашел онтологическую истину» (Barnes-Holmes, 2000, p. 198), соответственно, «важно признать, что эта форма контекстуальной онтологии не более “истинна” или “окончательна”, чем любая другая альтернатива» (Barnes, Roche, 1994, p. 168).

Тем самым специфика бихевиорального прагматического дискурса привела к утверждению о его *не-онтологическом* (a-ontological) характере (Brown, Gillard, 2015, p. 25): «...истина всегда ситуационна и прагматична, а не универсальна и онтологична. Успешная работа – первичный критерий истины» (Hayes, 2004, p. 1232).

Социально-когнитивная теория

Теория социального научения и ее модернизированное продолжение – социально-когнитивная теория – достаточно хорошо известны отечественным психологам, и представляют собой второе, весьма влиятельное и детально разработанное направление бихевиоральной мысли. В одной из своих публикаций, посвященных стратегиям преодоления механицизма в психологии поведения, мы отнесли это направление к так называемому «когнитивному» бихевиоризму (Сергеев, 2017).¹⁵ Однако в свете сказанного выше о закреплении термина «бихевиоризм» за оперантными течениями, а также в силу его (термина «бихевиоризм») отсутствия в самообозначении рассматриваемого направления, необходимо сделать некоторые уточнения.

Поведенческий компонент теории был изначально построен на бихевиористских основаниях, в его основе лежала метафора внутренней жизни как «черного ящика». Именно поэтому принципы научения, характер-

¹⁵ Такое обозначение чаще встречается в работах «сторонних исследователей», а не представителей бихевиоральных течений.

ные для бихевиоризма, были инкорпорированы в теорию социального научения и далее перешли в социально-когнитивный подход (Bandura, 1998, p. 1). Кроме того, А. Бандуре импонировали научная строгость оперантной психологии и ее акцент на явное поведение как основной феномен, который должны объяснять психологические теории (Williams, Cervone, 1998, p. 174). Наконец, еще одним сходством двух течений является выраженный прагматический акцент.¹⁶

В этом смысле социально-когнитивные идеи и современный бихевиоризм происходят из одного источника. Другой вопрос, что в рамках рассматриваемой методологии была избрана иная стратегия преодоления механистического подхода: разработка когнитивных механизмов обработки средовых воздействий. Во многом это определялось гуманистическими соображениями, а также тем, что сопоставимую по эвристическому потенциалу альтернативу когнитивному подходу бихевиоризм на тот момент предложить не мог.

В чем же состоят явные отличия социально-когнитивного подхода от бихевиористского?

Во-первых, акцент здесь делается на наблюдение и моделирование как на важный элемент *трансформации прямых средовых воздействий* и осно-

ву для прогнозирования последствий поведения.

Во-вторых, акцент на когнитивных способностях человека позволяет утверждать, что последний может решать проблемы «*символически*», например, оценивать альтернативы и просчитывать возможные результаты своих действий с опорой на знаковые системы, язык и т. д.¹⁷

В-третьих, ключевое значение приобретает понятие «*саморегуляция*» в когнитивном прочтении: «человек может манипулировать стимулами, чтобы произвести определенные последствия, что позволяет людям контролировать свое поведение до определенной степени» (Poppen, Wandersman, Wandersman, 1976, p. 8).

Реципрокный детерминизм. Эпистемологическое своеобразие социально-когнитивного подхода формирует базовый принцип реципрокного детерминизма: динамической взаимообусловленности поведения, среды и когнитивных процессов (личностных детерминант) (Rosenthal, 1979, p. 266), традиционно схематически изображаемой в виде равносоставленного треугольника.

Отметим несколько следствий данного принципа.

Во-первых, исследовательский интерес в описываемой теории в большей степени сосредоточен на *когнитивном компоненте треугольника*,

¹⁶ Социально-когнитивные идеи также предназначены для использования в практиках модификации поведения.

¹⁷ Многие термины, которыми оперировала еще теория социального научения (например, «подражание», «имитация» и др.), могли с лег-

костью трактоваться и оперантной психологией. Очевидно, что для А. Бандуры было важно включить в исследование именно когнитивное объяснение. В этом его подход становился отчасти «менталистским» и небихевиористским.

благодаря которому средовые воздействия перестают быть «прямыми», поведение – рефлекторной реакцией (Bandura, 1978, p. 254), а когнитивный «медиатор» позволяет сопоставлять результаты действий не только со средовыми подкреплениями, но и с собственными стандартами оценки (Труоп, 1981, p. 113). За счет этого существенно увеличивается и вариативность действий, и предиктивный потенциал подхода (Bandura, 1978, p. 244), в рамках которого разработан богатый инструментарий анализа и модификации поведения при помощи соответствующих переменных.

Во-вторых, именно реципрокная триада (а не просто какой-либо один из «углов» треугольника) наделяется *каузальным статусом*. Данное обстоятельство делает теорию во-многом уникальной, и, кроме того, позволяет говорить о ее бихевиоральной природе: поведение здесь присутствует как отдельная «инстанция» (которая подчиняется законам поведения), равная по значению когнитивной сфере и среде.¹⁸

И в таком случае принцип реципрокного детерминизма позволяет преодолеть дихотомию структурных и процессных теорий в подходе к личности: согласно рассматриваемому подходу, относительно устойчивые (личностные) структуры и регуляторные процессы постоянно влияют

друг на друга, благодаря чему вопрос о том, что из них первично, не имеет смысла (Bandura, 1999).

Наконец, в-третьих, именно реципрокная триада формирует *предметное поле* и *дисциплинарную онтологию* теории: исследовательский интерес сосредоточен как бы «внутри» равностороннего треугольника, реальность «сама по себе» составляет фон для этой фигуры. Среда, в том числе социальная, организм и другие явления попадают в сферу исследовательского интереса лишь тогда, когда они в той или иной форме представлены внутри реципрокной триады. И тогда анализ сконцентрирован, например, на том, как средовое возмущение трансформируется механизмами когнитивной обработки и приводит к поведению, которое трансформирует саму среду, которая производит новые воздействия и т. д. (цепочка может быть очень длинной, а в онтогенетической перспективе – практически бесконечной).

Так или иначе, социально-когнитивная теория основана на двух ключевых принципах: (а) личностные детерминанты,¹⁹ окружающая среда и поведение взаимно влияют друг на друга; и (б) люди лучше всего понимают с точки зрения их познавательных способностей, которые позволяют им символически представлять события, оценивать самих себя и действовать в качестве агентов

¹⁸ Если бы было иначе, речь бы шла о своеобразной «реципрокной диаде», включающей среду и личность (а поведение было бы одной из проявлений последней).

¹⁹ Еще с момента оформления А. Бандурой собственной версии теории социального научения статус личностных детерминант закрепился за когнитивным компонентом реципрокной триады (см. Бандура, 2000).

своего собственного развития (Williams, Cervone, 1998, p. 173).

«Персонологический» гlossарий

Несмотря на то, что бихевиоральная исследовательская программа на первый взгляд не содержит в себе возможности говорить о полноценном использовании концепта «личность», вопрос о личностной детерминации в объяснении поведения²⁰ в рамках рассматриваемых подходов тем не менее остается открытым. В некоторых публикациях по теории личности присутствуют разделы, затрагивающие и бихевиоральные подходы. Причем если во многих из таких работ прямо указывается на то, что вопросы личности подвергаются в бихевиоризме своеобразной дискриминации, то другие построены таким образом, как будто поведенческая персонология существует. Примером публикаций последнего типа является исследование А. В. Чемякиной, упоминающей научающе-бихевиоральное течение как «важное направление в персонологии» (Чемякина, 2013, с. 89), основательную работу Ч. Паркера с коллегами «Оперантная теория личности» (Parker, Bolling, Kohlenberg, 1998) и ряд других. Проблема приобретает дополнительное звучание в контексте социально-когнитивного подхода, который неизбежно выглядит более лояльным к личностной проблематике и содер-

жит непосредственные указания на личностную детерминацию поведения. Так или иначе, можно зафиксировать постоянные попытки найти бихевиоральным течениям место в разработках проблем психологии личности, и наоборот (Furr, 2009).

Это вынуждает нас попытаться внести определенную ясность в данный вопрос, и для этого, прежде всего, выделить ряд категорий, при помощи которых концептуально обслуживается личностная проблематика.

Терминология. Первым таким понятием будет собственно категория «личность». Среди существующего разнообразия ее дефиниций приведем некоторые наиболее общие, не «завязанные» на какую-либо конкретную теорию.

Р. С. Немов предпочитает не давать интегрального определения феномена личности, указывая на множество частных подходов, ставящих во главу угла тот или иной ключевой критерий: устойчивость психологических свойств, степень зрелости, особенности человека, которые определяют его отношение к людям, к себе, к происходящим вокруг событиям и т. д. (Немов, 2007, с. 198). Схожим образом, но с большей детализацией понятие раскрывается в «Большом психологическом словаре» (Большой психологический словарь, 2003, с. 235–238).

В кембриджском издании под редакцией Д. Мацумото личность («personality») определяется как динами-

²⁰ Мы будем употреблять термин «личностная детерминация» потому, что у него нет более подходящих эквивалентов. Но при этом

будем учитывать, что она не обязательно предполагает «личность».

ческая организация, включающая индивидуальные черты, поведенческие шаблоны, ценности, интересы, планы и мотивы, самопонимание и мировоззрение, способности и эмоциональные паттерны, которые детерминируют характеристики поведения и мышления (The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009, p. 371). При этом совокупность всех указанных атрибутов обуславливает уникальность каждого индивида.

Словарь Американской психологической ассоциации трактует личность схожим образом – как «устойчивую конфигурацию характеристик и поведения, которая определяет уникальный способ адаптации индивида к жизни, включая ведущие черты, интересы, драйвы, ценности, я-концепцию, способности и эмоциональные паттерны» (Personality, APA Dictionary of Psychology). При этом указывается на системный характер личностной организации, значительный вклад в которую вносят наследственные, культурно-обусловленные и иные факторы.

В попытках понять изучаемый феномен различные теории личности так или иначе оперируют набором конструктов, увязывающих все эти характеристики воедино (The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009, p. 375). В случае, если познавательная активность сконцентрирована именно на единстве, такие (холистические) подходы объединяются термином «персонология» (там же, p. 376; Personology, APA Dictionary of Psychology).

Любопытная, усложняющая картину ремарка содержится в «Большом

психологическом словаре»: «почти общепринятый перевод слова “личность” как personality (и наоборот) не вполне адекватен. Personality – это, скорее, индивидуальность. В петровские времена персоной называли куклу. Личность – это selfhood, selfness или self, что близко к русскому слову “самость”. Более точного эквивалента слову “личность” в английском языке не существует» (Большой психологический словарь, 2003, с. 237).

В трактовке *индивидуальности* как неповторимости, уникальности, отличающей конкретного человека от других, сходятся практически все источники (Немов, 2007, с. 151; Большой психологический словарь, 2003, с. 176; Individuality, APA Dictionary of Psychology).

Одним из измерений индивидуальности является *последовательность* (consistency), согласованность, устойчивость и определенная стабильность человека, его поведенческих и иных проявлений в различных ситуациях. Нередко это подталкивает исследователей к идее, что за такой последовательностью стоит организующее начало более высоко порядка, «на чем может быть основана интуитивная вера в личность» (Mischel, Shoda, 2008, p. 208).

В свою очередь «Я» (*self*) применительно к индивиду может трактоваться как минимум двояко: как оценочный критерий, в смысле наличия и функционирования у него каких-либо устойчивых характеристик (и тогда по значению термин приближается к категории «личность»); и

как указание на его агентность (источник активности) (Self, APA Dictionary of Psychology). Причем у многих исследователей выражено нежелание рассматривать «Я» как экстракаузальный агент, который локализован в человеке и как-то ответственен за поведение независимо от функционирования организма способами (Mischel, 1976, p. 145).

Нам осталось прояснить содержание термина «агентность». В понимании ее сути большинство исследователей сходятся: это свойство актора быть источником (в том числе собственных) действий (The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009, p. 22). При этом может несколько отличаться акцент на том, что в этом феномене важнее:

агентность в каузальном смысле: агент – причина действия, референциально не обязательно расположенная «внутри», то есть не обязательно субъективная²¹ (Hineline, 2013, p. 208, 210; Agent, APA Dictionary of Psychology), – такое видение характерно для функционального подхода;

агентность как указание на то, кто именно является субъектом действия с той или иной степенью контроля над ситуацией (Большой психологический словарь, 2003, с. 14), притом, что действовать агент может от лица других – как терапевт в отно-

шении пациента либо как представитель группы (Agent, APA Dictionary of Psychology; Bandura, 2001, p. 2);²²

агентность как указание на автономию, самостоятельность в определении целей и образа действий; автономия в таком случае подразумевает рациональность, самоконтроль и саморефлексию (The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009, p. 22), – это понимание соответствует в широком смысле гуманистическому подходу.

Так или иначе термин «агентность» является более «техническим» по сравнению, например, с «личностью».

Мета-теоретическая демаркация. Э. Деси и Р. Райан указывают на наличие своеобразного континуума, включающего совокупность мета-теоретических предпосылок, лежащих в основе разнообразных психологических подходов (к личности). По их мнению, на одном полюсе континуума находятся механистические метатеории, подчиняющие человека внешней детерминации (бихевиоризм и др.), на другом – «организмические» метатеории, основанные на примате внутренней активности (теория когнитивного развития Ж. Пиаже и др.). Социально-когнитивная теория смещена по этой шкале ближе к центру, а ее производные (в том числе теория самодетерминации самих Деси и Райана) – еще ближе к «ак-

²¹ Это обстоятельство вынуждает нас использовать именно понятие «агентность» несмотря на то, что его часто переводят как «субъектность».

²² Любопытна ремарка Б. Мещерякова к словарной статье о категории «агент»: «...в психологии, педагогике и т. д. есть тенденция к

пониманию “агента” в более узком смысле: личность с подавленной свободой воли, вынужденная выполнять чужие приказы (ср. “личность, низведенная до состояния агента”» (Большой психологический словарь, 2003, с. 14).

тивному» полюсу (Deci, Ryan, 2015, p. 486–487). Примерно так же локализуются теории и по критерию (само)контроля (Porpen, Wandersman, Wandersman, 1976, p. 8).

Все это требует от нас дальнейшего прояснения статуса «личности» и ее производных в бихевиоральных подходах. Опираясь на приведенный глоссарий, мы можем обозначить те параметры, по которым будем сравнивать бихевиористские и социально-когнитивное направления на предмет того, как именно представлено в них личностное начало – уникальность, последовательность («непрерывность»), смысловое наполнение концепта «Я» (в том числе вопрос автономии), агентность, – а также роль этого начала в формировании поведения.

Что означает детерминация поведения? В самом общем смысле термин «детерминация» подразумевает формирование причинно-следственных связей между какими-либо явлениями, установление ограничений или границ чего-либо (Немов, 2007, с. 111–112). Исходя из этого, под *детерминацией поведения* мы будем понимать формирование каузальной связи каких-либо переменных с поведением.

В свете изложенной выше специфики рассматриваемых подходов установим, что *детерминация средовая* – формирование каузальной связи средовых переменных с поведением, при этом средовые переменные являются *необходимым и достаточным условием* для активации определенного поведения.

Вместе с тем подчеркнем, что определение личностной детерминации как, например, влияния «...определенной черты личности на поведение человека таким образом, что с ее помощью преодолеваются препятствия и трудности на пути к достижению поставленной цели» (Немов, 2007, с. 111–112) не будет соответствовать методологическим принципам бихевиоральных течений (в том числе социально-когнитивной теории). Соответственно, о личностной детерминации следует говорить применительно к ситуации, в которой наблюдаемые (и контролируемые) средовые переменные являются *необходимым, но не достаточным условием* для активации требуемого поведения. В этом случае в качестве переменных должны быть включены частично наблюдаемые и ненаблюдаемые элементы, относимые к самому индивиду.

«Персонология» бихевиоризма

Прежде чем раскрыть трактовку четырех указанных параметров в бихевиоризме, следует обозначить те предпосылки, которые определяют его «персонологическую» позицию.

Во-первых, следует разобраться с тем, чье поведение изучает бихевиоризм. Ответ на этот вопрос не должен вызвать затруднений: в текстах исследователей можно встретить словосочетания «поведение организмов», «поведение животных», «поведение человека» (в значениях «human» и «person»), «поведение индивида» («individual»), функциональ-

ные отсылки к поведению, например, «слушателя» (то есть того, чье поведение социально подкрепляется) и т. д. Иными словами, бихевиористская перспектива вовсе не означает какого-то целенаправленного пренебрежения человеком, элиминации индивидуального из исследования. Речь идет скорее о том, какие данные о человеке необходимы в научном дискурсе и в какой форме они должны быть операционализированы.

Исходя из этого, во-вторых, понятие личность («personality», но не «person») в предметном поле этого направления отсутствует как недостаточно соответствующее принципам научного исследования:²³

а) «Личность» – это конструкт, не наблюдаемый извне, а следовательно, не соответствующий прагматической установке на контроль и прогноз (Shapiro, Browder, 1990). Как отмечает Д. Мур, анализ поведения в конечном счете связан с практической функцией объяснения. Объяснения нужны для повышения и поддержания эффективности действий, связанных с контролем поведения, а описание происходящего может быть отправным пунктом для значимых объяснений, но не их конечной точкой (Moore, 2013, p. 37).²⁴

б) В силу этого, данный термин может использоваться для объясне-

ния и интерпретации, но неоправданно наделять его каузальным смыслом: если использовать терминологию К. Гемпеля и П. Оппенгейма (Мазилев, 2008, с. 60), то личность в этом подходе может выступать только в роли «экспланандума» (объясняемого), но не «эксплананса» (объясняющего).²⁵

в) В этом проявляются суть любого бихевиористского подхода – отказ от идеи того, что поведение исходит «изнутри» (Parker, Bolland, Kohlenberg, 1998, p. 156), являясь при этом одной из функций какой-либо *нефизической* инстанции (субъекта, личности). Ведь в этом случае, чтобы понять поведение, требовалось бы изучать не столько его, сколько саму инстанцию, которая поведение производит. Но это была бы уже «менталистская» процедура, с точки зрения бихевиоризма неэкономичная и логически неверная (Baum, 2016; Baum, 2017, p. 52).

г) Подобные установки предопределили своеобразное понимание личности в рамках бихевиоризма: она может трактоваться как *абстракция*, «полученная из <наблюдаемых – В.С.> отношений между различными репертуарами и классами ответов индивидуума» (Phelps, 2015), и ее нет необходимости наделять онтологическими свойствами.

²³ С точки зрения бихевиористов, термин «личность» всегда означает экстракаузальную инстанцию.

²⁴ Каковой часто и является построение теории личности.

²⁵ Именно в этом смысле следует трактовать оборот «объяснительная фикция», употреб-

ленный Скиннером. Его же чаще трактуют «идеологически», в стиле «Для бихевиористов личность – *всего лишь* объяснительная фикция, но ведь понятно, что *на самом деле* личность – это что-то гораздо большее». Как мы указали, бихевиоризм и не претендует на раскрытие этого «на самом деле».

Однако следует категорично подчеркнуть, что такая позиция в настоящее время не является неким способом редукции значимости, это скорее способ сказать, что в предметном поле бихевиоризма личностную проблематику можно интерпретировать по-другому: «когда человек контролирует самого себя, выбирает, как поступить, решает проблему или стремится получить новые знания о себе, он совершает поведение. Он контролирует себя точно так же, как он контролировал бы поведение другого» (Скиннер, 2017, с. 268).²⁶

Наконец, в-третьих, поведенческая исследовательская программа, как отмечалось, позиционируется как естественная (*natural*) наука, законы поведения трактуются как естественные законы, изучением которых и занимается бихевиоризм. И напротив, он не занимается изучением субъективной реальности, и не потому, что ее нет, а в силу установки на то, что ее нет в числе объектов приложения строгих научных принципов.

Уникальность и история подкреплений. Идея уникальности человека, которую разделяют все представите-

ли бихевиоральных течений, выражена Б. Скиннером так: «Человек... является локусом, точкой, в которой сходятся в единый эффект многие генетические и средовые условия. Таким образом, он, несомненно, становится уникальным. Никто другой... не имеет такой генетической основы и, без сомнения, ни у кого другого нет его личной (*personal*) истории. Следовательно, никто другой не будет вести себя подобным образом» (Skinner, 1974, p. 168).

Здесь же стоит напомнить о холистической позиции бихевиоризма: какой бы и на что ни была поведенческая реакция, это всегда реакция *всего организма* сразу (Hayes, Fryling, 2013, p. 27–28).²⁷

Не останавливаясь на биологической истории организма, следует сказать несколько слов об *истории подкреплений*. Она является функционалистским эквивалентом «опыта», но такой опыт не рассматривается вне поведения. Можно сказать, что это – история (последствий) поведения, представленная в актуальных реакциях. Термин удобен тем, что его использование в основном снимает вопрос о предполагаемом «месте хране-

²⁶ Любой поведенческий аналитик может сказать своему клиенту: «Вы – яркая, глубокая личность, но некоторые ваши навыки дезадаптивны, и мы можем их модифицировать с опорой на законы поведения». Нет ни одного разумного основания, чтобы в данной фразе заменить термин «личность» на оборот с использованием слов «абстракция» или «фикция».

²⁷ Следует еще раз указать на то, что любые претензии бихевиоризма к иным подходам несут, скорее, эпистемологический характер:

поскольку любая реакция – это реакция организма в целом, не существует направлений научной психологии, чей инструментарий смог бы выявить одновременно всю совокупность определивших такую реакцию регулятивов. А поскольку ни одно направление сделать этого не может, онтологические противоречия между ними бессмысленны. Значит, научная дискуссия – это дискуссия исключительно об инструментарии и о возможности получить с его помощью достоверные данные.

ния» опыта, некой инстанции, его содержащей. И в таком случае в рамках данного течения была бы избыточна схема вроде: «при столкновении с ситуацией некая инстанция, аккумулирующая опыт, сопоставляет новый стимул с имеющимися данными и порождает поведение, в которое вкладывает некую часть совокупного опыта». С бихевиоральной точки зрения опыт как бы содержится в самом поведении, имманентен ему; опыт – результат прошлых подкреплений, «не прошедших бесследно».

Именно благодаря своей уникальности история подкреплений в некотором смысле выводит человека из-под «гнета» законов поведения: некий поведенческий закон (естественный по природе) больше не производит идентичный эффект применительно к разным людям: законы по определению «а-историчны», их механика тождественна в отношении различных индивидов, однако ситуационная специфика уникальна. Люди становятся производными от своей собственной истории, и разнообразие этих историй (подкреплений) в макросоциальной перспективе дает возможность говорить об оперантных процессах как продуктах естественного отбора (Morris, 1997, p. 533).²⁸

Последовательность. Если вернуться к «оперантной теории личности», то во главу угла здесь ставится именно связное и последовательное поведение в различных ситуациях, которое объясняется в терминах прошлых и текущих функциональных

отношений между контекстом и последствиями поведения (Parker, Bolland, Kohlenberg, 1998, p. 162). Функциональный анализ в таком случае заключается в оценке того, как текущая ситуация в сочетании с историей подкреплений диктует вероятность (но не необходимость) поведения, причем именно история подкреплений способствует различной чувствительности поведения к различным стимульным ситуациям (там же, p. 164). Такая оценка может помочь в построении прогноза поведения, но такой прогноз всегда будет только предположением о вероятности тех или иных действий.

Вопрос согласованности и последовательности персонального поведения несколько по-разному решается в различных бихевиористских подходах. Общим для них является стремление исключить из источников упорядоченности любые экстракаузальные инстанции и взглянуть на проблему с другой, «внешней» стороны.

Например, в «молярном» бихевиоризме единицей анализа становится не набор единичных актов поведения в определенной ситуации, а целостные паттерны, переносимые из одной ситуации в другую. Эти паттерны являются результатом взаимодействия по меньшей мере двух постоянных факторов: условий (contingences) подкрепления и личной истории подкреплений (Hineline, 2001; Baum, 2011; Baum, 2013). В результате в структурирующей триаде «условия подкрепления – история под-

²⁸ О селекционизме см., например (Gifford, Hayes, 1999; Hayes, 2004).

креплений – паттерны поведения» личностную окраску приобретают как минимум два последних элемента, относимых к индивиду (при том, что действия индивида вносят вклад в изменение условий подкрепления).

Если суммировать описанные представления об индивидуальности и последовательности поведения, становится понятным, почему для бихевиоризма традиционно затруднительным становится построение классификаций, в основе которых лежат любые личностные особенности (например, личностные черты). Критерияльной достаточностью для любых классификаций может в таком случае обладать лишь само поведение, точнее, поведение в связи с некоторыми условиями подкрепления и организации стимульного контроля. В таком ключе разрабатываются вопросы самоконтроля, социального контроля, в том числе поведения, управляемого правилами (*rule-governed behavior*), и т. д. Если же на этой основе попытаться немного подкорректировать экстерналистский взгляд на предмет и сделать акцент именно на повторяемости поведения (а не средовых условий), то могут возникнуть предпосылки к появлению своеобразной поведенческой персонологии. Такую корректировку сделали немногие, в частности, А. Стаатс, который в своей теории психологического бихевиоризма использовал понятие «личность», причем дал ей определение как совокупности пове-

денческих репертуаров (Staats, 1996; Staats, 2003, p. 147), схожесть содержания которых позволяет сделать вывод о наличии определенной, объединяющей различных индивидов тенденции развития. Подчеркнем, однако, что этот подход имеет прагматическую направленность (использование в клинической практике и психологии развития) и не был заявлен в качестве фундаментального.²⁹

Смысловое наполнение «Я». Несмотря на то, что аналитики поведения не используют понятие «личность» в строго научном контексте, термин «Я» является достаточно ходовым в терапевтической и коррекционной практиках.

Отказ от идеи автономии. По описанным выше причинам идея автономии «Я» противоречит принципам бихевиорального подхода, поскольку к автономной инстанции едва ли могут быть приложены научные принципы. Автономный субъект выступал бы в отношении собственного поведения в роли независимой переменной, однако сама эта переменная оставалась бы недоступной для наблюдения и, следовательно, всегда была бы гипотетичной, а вопрос о природе ее источника давал бы повод для мистификаций (Chiesa, 2013, p. 246).

Интернальность/экстернальность. Вместе с тем, отказ от «менталистской» методологии вовсе не означает, что явления, обычно понимаемые «интернально», находятся вне пред-

²⁹ Впрочем, психологический бихевиоризм А. Стаатса заслуживает отдельного рассмотрения.

метного поля современного бихевиоризма. Речь идет об особом способе их концептуализации, основанной на различении *личных* (private) и *публичных* (public) событий и, соответственно, скрытого (covert) и открытого (overt) поведения. Традиционно интернализуемые явления получают здесь чисто поведенческую окраску,³⁰ в том смысле, что они тоже являются поведением, но протекают «приватно», в том числе вне наблюдения извне (Moore, 2009, p. 25). Благодаря этому они могут быть встроены в поведенческий анализ.

Личные события являются *естественными*, и поэтому содержат все свойства открытого поведения и функционально трактуются как зависимая переменная (Baum, 2017, p. 54; Schlinger, 2013, p. 263). Они отличаются лишь *доступностью для стороннего наблюдателя*, затруднениями для последнего в формировании истории наблюдения за такого рода поведением, и в сущности благодаря этой ограниченной доступности «в большинстве случаев нет других людей, которые бы были более подвержены влиянию нашего собственного поведения, чем мы сами, и именно в этом отношении мы имеем уникальное отношение к нашему собственному поведению» (Fryling, 2016; Скиннер, 2017, с. 297), имеем возможность

проводить (эмоциональную и когнитивную) оценку условий подкрепления собственных действий (Laung, 2017, p. 5) и т. д. Как отмечает А. А. Федоров, «...нам не нужно полагать, что личные события имеют особые свойства, требующие введения новой субстанции и специального анализа только потому, что они не доступны более чем одному человеку. Ментальные события и личные – не одно и то же... только человек, сообщаящий о событии, находится с ним в контакте, и никто более его наблюдать не может... Иными словами, еще один признак личного события – возможность сообщить о нем» (Федоров, 2007а, с. 24).

Другой вопрос, что строить бихевиоральное объяснение на основе личных событий (подобно социально-когнитивной теории) следует со значительной осторожностью, избегая чрезмерно гипотетических утверждений, объяснений вне контекста взаимосвязи с открытым поведением, средой и организмом³¹ (Zimmerman, Whitehurst, 1979, p. 15).

Социальность «Я». Представленное таким образом «Я» имеет выраженную социальную природу. Ведь если одной из функций «Я» является участие в отборе из стимульного потока значимых сигналов (дискриминация), то этот отбор (как форма поведения) также может подкреплять-

³⁰ Вновь вспомним приведенную выше формулу «познание как поведение».

³¹ Различение личных и публичных событий (и соответствующего поведения) ввел Б. Скиннер, но вряд ли можно сказать, что ему удалось органично и непротиворечиво встроить эту идею в свою оперантную психологию (ос-

тается не до конца понятно, что с этим различием делать, не нарушая принципов анализа). В дальнейшем в различных подходах, начиная со всех видов поведенческой терапии и заканчивая современными «бихевиоризмами», этот вопрос решается по-разному.

ся социальным окружением. Тем самым индивиду «показывается» правильность/неправильность его действий и определяется вероятность их повторения в дальнейшем, то есть их включение в индивидуальную последовательность и непрерывность через научение (Skinner, 2013). Это в равной мере касается и личных событий: окружение может научить индивида демонстрировать понятные обществу корреляты частных событий, например, вербальную реакцию на боль (Скиннер, 2017, с. 299), и в то же время игнорировать другие указывающие на внутренние процессы сигналы, подчеркивая отсутствие их социальной значимости (García-Penagos, 2016, p. 24; Keller, Schoenfeld, 1995, p. 362–363).

«Я» как поведенческая функция. Если мы говорим о том, что в бихевиористском подходе «Я» не является воплощением личности, возникает вопрос, в каком виде оно «присутствует» в анализе поведения.

Во-первых, с точки зрения поведенческой эпистемологии, «Я» – это *собирательная конструкция* для обозначения единства поведения в определенных контекстах, и если в традиционных подходах она наделяется онтологическим статусом, то в бихевиоризме используется именно так – как

факт (вербального) поведения, вербальное самообозначение как результат научения (Staats, 1996, p. 190).³²

Во-вторых, с функциональной точки зрения «Я» выполняет функцию (вербальной) *дискриминации* собственного поведения человека (например, путем формулирования правил для себя, *self-rules*), формируя тем самым поведенческую чувствительность к тем или иным стимульным воздействиям и организуя условия подкрепления (саморегуляция) (Atkins, Styles, 2016, p. 2–3).

В-третьих, «Я» выступает также в качестве *«организатора» стимульного потока* для других, в смысле отнесения поведения, в том числе личного, «на чей-то счет».

Пример: клиентское «Я» в контекстуальных подходах. Поскольку «Я» можно непосредственно наблюдать в вербальном поведении, то в свете сказанного выше оно может представлять в различных функциональных ипостасях, например (Atkins, Styles, 2016):³³

– как содержание (вербальных) связей (*self-as-content; self-as-story*): своеобразная сконструированная, собирательная инстанция, к которой относится поведение (по критерию «мое/чужое»), или, иначе, – что и как индивид говорит о себе (описывает, оценивает, объясняет, понимает – сво-

³² То есть если «личность» в бихевиоризме – конструируемая в наблюдении абстракция, – то ее (вербальное) конструирование может осуществлять и исследователь, и сам индивид.

³³ Указанные авторы (Atkins, Styles, 2016, p. 56) распространяют такое понимание на всю «контекстуальную науку о поведении» (*contextual behavioral science*), что, на наш взгляд, является

несколько спорным. Но детальнее всего вопрос проработан в рамках терапии принятия и ответственности (*acceptance and commitment therapy*). Указанные «виды» «Я» – это то, что у клиента наблюдает аналитик, их различение принадлежит именно последнему, и никоим образом аналитиком не субстанциируется (и не представляется как, например, структура личности).

его рода «нарративное Я»), «интернализуя» и наделяя онтологическим статусом события и «себя в них»;

– как процесс (self-as-process, experiencing self) представления текущих моментов «себя» в поведении (в эмоциональном и любом другом смысле);

– как контекст явного и скрытого поведения (self-as-context, наблюдающее «Я»), – наблюдающая за собственным поведением «инстанция», увязывающая всю совокупность событий и поведения воедино, относящая их к себе.

В свою очередь, уже на этом основании (я-как-контекста) и могут сформироваться представления о «трансцендентальной» самости (Rychlak, 1976, p. 131): «если я задам человеку много вопросов, единственное, что будет постоянным, – это не содержание ответов, а контекст, из которого эти ответы даются» (Barnes-Holmes, Hayes, Dymond, 2001, p. 129). Если подобную процедуру осуществляет внешний наблюдатель, он может делать вывод о стабильном наборе черт, выступающем постоянным (инвариантным) контекстом поведения, обладающем независимостью от внешней среды (Parker, Bolling, Kohlenberg, 1998, p. 170).

Именно в этот момент начинают работать бихевиоральные принципы. Клиент может наделять собственную личность трансцендентальными свойствами, исходить из того, что она существует по каким-то своим внутренним законам. Аналитик же помнит, что личность – «всего лишь»

абстракция (или конструкция) в указанном выше смысле. Следовательно, его задача – научить клиента «абстрагировать» свои действия (при «конструировании» собственной личности) более адаптивно, модифицировав или то, «что им абстрагируется» (свое поведение в контексте), или то, «как абстрагируется» (устранив автоматические мысли и т. п.).³⁴

Агентность. Социальность поведенческого «Я» оставляет открытым вопрос об агентности. Традиционно бихевиоризм относят к направлениям, основанным на идее механической (реактивной) агентности (Vandura, 1999, p. 155), что, впрочем, нуждается в некоторых пояснениях с учетом наших оговорок о концептуальных различиях бихевиорального материализма и контекстуальных подходов. Вопрос может быть решен двояко:

а) «Новый механицизм» бихевиорального материализма. Агентом изменений поведения является среда, прежде всего, социальная (Porpen, Wandersman, Wandersman, 1976, p. 7). Тем не менее, как мы отметили ранее, речь теперь идет не только о жестком, «линейном» детерминизме павловского обусловливания. Отношения организма со средой теперь становятся гораздо сложнее (и в синхронии, и в диахронии), причем значительный вклад в эту сложность вносит именно отдельно взятый индивид с его личной историей.

б) Полная «деонтологизация» диады «поведение/среда» в контексту-

³⁴ В различных версиях такую установку можно встретить практически во всех видах терапии и практик модификации поведения,

опирающихся на бихевиоральную методологию.

листском подходе. Это означает, что с точки зрения исследователя функциональной средой будет то, что не является поведением. И тогда к среде можно относить все то, влияние чего на поведение в качестве стимула можно доказать (природные, социальные, биологические, когнитивные, эмоциональные и др. события) (Hayes, Wilson, 1995, p. 242; Hayes, Fryling, 2009, p. 43–44).

Измерения личностной детерминации. Нам осталось прояснить, каким образом бихевиоризмом рассматриваются механизмы, традиционно трактуемые другими течениями в контексте личностной детерминации.

Во-первых, можно говорить о диагностической значимости *соотношения личных и публичных событий*: «Хотя нормальное развитие приводит к значительной степени контроля реакции “Я” личными стимулами, неадаптивное развитие включает в себя противоположность – небольшую степень контроля “Я” личными стимулами» (Parker, Bolling, Kohlenberg, 1998, p. 167).³⁵ Несколько расширяя, можно сказать, что речь идет о (не)адаптивных соотношениях того, в какой мере то или иное поведение контролируется средой или напротив самим индивидом (самодетерминация, самоконтроль), особенно с учетом того, что единствен-

ным «свидетелем» влияющих на самоконтроль частных событий является сам человек (Clayton, 2006, p. 143). По большому счету именно такая идея лежит в основе когнитивно-поведенческой терапии, однако следует помнить, что в бихевиоризме личные события каузальным статусом наделяются неохотно (Gifford, Hayes, 1999, p. 315), что существенно усложняет проблему.³⁶

Во-вторых, личностная детерминация может трактоваться и в терминах (*само*)*контроля переменных поведения*. Р. Джонс с коллегами отмечают, что Б. Скиннер «...по-видимому, был первым теоретиком, предложившим поведенческую формулировку самоконтроля. Скиннер определил самоконтроль как процесс, посредством которого индивид изменяет вероятность поведенческого ответа, изменяя переменные, для которых этот ответ является функцией», и описал ряд процедур этого процесса (Jones, Nelson, Kazdin, 1977, p. 148). При этом авторы указывают и на взаимозависимость двух «локусов контроля»: «ни один теоретик в области не докажет, что самоконтроль и внешний контроль полностью независимы» (там же, p. 150). Таким образом, проблема контроля переменных поведения оказывается связана с вопросом *личного вклада* (в контекст поведения), который вносится в про-

³⁵ В сущности, речь идет о поведенческой версии идеи локуса контроля подкреплений, разработанной в теории социального научения Д. Роттера.

³⁶ Такая позиция некоторыми исследователями считается чрезмерно догматичной и под-

лежащей пересмотру. А. А. Федоров, например, предпринял весьма интересную попытку привести доказательства каузального значения личных событий (Федоров, 2007б, с. 28).

цессе научения и заключается в «связывании» человеком различных стимулов (в том числе не присутствующих в ситуации) путем трансформации стимульных функций³⁷ (Hughes, Barnes-Holmes, Vahey, 2012, p. 23).

Личность в социально-когнитивных течениях

Идея, лежащая в основе социально-когнитивного подхода, является глубокой модернизацией концепции промежуточных переменных, существовавшей в необихевиоризме первой волны (и, прежде всего, Э. Толмена). Как отмечалось, она также основана на необходимости преодоления механицизма уотсоновской программы, и также предполагает увеличение дистанции между стимулом и реакцией для преодоления диктата среды в виде автоматического подкрепления поведения.

Но при этом речь идет об использовании промежуточной инстанции в форме набора личностных детерминант³⁸ как полноценного элемента реципрокной триады (Bandura, 2018). Упомянутая «личностная детерминация» определяется А. Бандурой как воздействие, вызванное индивидом (Бандура, 2000, с. 266).

Сам А. Бандура крайне неохотно использует термин «личность» (personality), стремясь тем самым уйти от введения в исследование некой экстракаузальной инстанции. С его точ-

ки зрения, последняя сводилась бы к нескольким стационарным параметрам, независимым от конкретной ситуации (модификации) поведения. И в таком случае личность понималась бы как самостоятельная сущность, подразумевающая наличие структуры более высокого порядка (Bandura, 1999), обладающей, например, так называемой свободной волей, никак не увязанной с контекстом и существующей «самой по себе». Такой взгляд А. Бандура сравнил с возвращением к средневековой теологии (Bandura, 2006, p. 164).

Уникальность и последовательность. Социально-когнитивная теория же исходит из того, что личность является результатом научения в ответ на средовые воздействия, демонстрирует динамические изменения в разных ситуациях и во многом меняется с течением времени (Sahin, Cetin, 2016). Ее составляющие действуют в сложном взаимообуславливающем процессе и участвуют в управлении разнообразными и изменяющимися средовыми событиями.

Индивиды и социокультурная среда трактуются как взаимодополняющие феномены, причем основными переменными человека являются когнитивные и аффективные механизмы, посредством которых люди интерпретируют мир и регулируют свое поведение (Carraja, Cervone, 2004, p. 14). Все эти процессы, как отмечалось, происходят «внутри» реципрок-

³⁷ Под функцией стимула понимается роль стимула в инициировании определенного ответа (Stimulus Function, APA Dictionary of Psychology).

³⁸ Механизмов когнитивной обработки и символизации средовых сигналов и поведения, т. е. двух других элементов реципрокной триады.

ной триады, составляющей предметное поле подхода.

Фактически на смену «устойчивой» инстанции, «одной и той же» в различных ситуациях, приходит идея о том, что личность как бы возникает каждый раз заново в каждой ситуации взаимодействия элементов реципрокной триады. Повторяющиеся параметры, по которым судят об этом «возникновении», являются, скорее, частью исследовательского инструментария аналитика, сущностное же «наполнение» личности каждый раз новое. Или иначе: личностное «как» присутствует у всех индивидов, а персональное «что» оценивается только в каждой новой ситуации.³⁹

Такое понимание является естественным для прагматического подхода. Инструментарий социально-когнитивной теории позволяет решать исследовательские задачи, связанные с прогнозом, контролем и модификацией поведения, но совершенно не подходит для, например, создания типологий, методик, основанных на наборе черт, и т. д. О личности можно говорить с определенностью только в конкретной ситуации взаимодействия (например, с терапевтом), но не «вообще». Вследствие этого, как отмечают некоторые исследователи, недостатком такого подхода является «...неспособность признать, что у людей есть врожденная тенденция развития» (Deci, Ryan, 2015, p. 486), поскольку она была бы внеположена элементам интерактивной реципрокной триады.

«Частичная» автономность Я. Как и иные бихевиоральные течения, социально-когнитивная теория не принимает идею автономности субъекта. Личностный компонент – один из «углов» реципрокной триады, он служит для объяснения и прогноза поведения, но не может существовать изолированно, сам по себе: социально-когнитивная теория признает, что поведение человека является социально-ориентированным, оно дискриминировано контекстом и проявляется в связи с условиями подкрепления (средой) (Bandura, 2018, p. 134). Интраперсональные факторы связаны с регуляцией поведения и позволяют изменять параметры среды, дабы повлиять на последствия собственных действий, в свою очередь средовые переменные влияют на мысли, эмоциональные реакции и поведение (Bandura, 1999, p. 160; Jones, Nelson, Kazdin, 1977, p. 148; Bandura, 1981, p. 31). Поскольку личностные и средовые факторы влияют друг на друга посредством интерактивного процесса, самонаправленные влияния не действуют как автономные регуляторы поведения. Иными словами, все, что расположено за рамками «треугольника», составляющего предметное поле теории, может быть, и существует само по себе, но инструментария его анализа в подходе нет, а с учетом прагматической позиции – такового и не требуется.

«Я» в социально-когнитивной модели агентности. Социально-когни-

³⁹ Как и представители анализа поведения, сторонники социально-когнитивной теории практически не работают с выборкой, речь

всегда идет об исследовании и модификации поведения одного или нескольких респондентов.

тивная теория отвергает механистические идеи (среда – агент поведения), заменяя их моделью эмерджентной интерактивной агентности (Bandura, 2008, p. 107), обладающей четырьмя свойствами-признаками (Bandura, 2006, p. 164–165):

Интенциональность: способность действовать не спонтанно, формировать планы действия. С учетом того, что большинство наших действия связаны с активностью других участников ситуации, абсолютной агентности не существует.

«Преднамеренность», *предиктивность* (forethought): когнитивное представление будущего, формирование мотивации, благодаря чему расширяется контекст поведения.

Аутореактивность (self-reactivity): контроль и корректировка исполнения, в ходе чего, в частности, увязываются воедино все детерминанты поведения.

Саморефлексивность: метакогнитивная способность как основа самоэффективности. Самоэффективность, состоящая из знаний, оценок и взглядов на самооценку, определяется как «...убеждения отдельных лиц в отношении их способности выполнять определенные действия, связанные с исполнением потребности в событиях, влияющих на их жизнь» (Sahin, Cetin, 2016). При этом, как отмечают исследователи, убеждения и оценки, лежащие в основе самоэффективности, составляют ту основу, на которой формируются представления самого человека о собственной последовательности, непрерывности, так как по сути она является производ-

ной истории подкреплений (то есть опыта) (Tryon, 1982, p. 202).

При этом содержание личной истории в значительной степени формируется индивидом, так как человек сам «решает», какой силой обладает тот или иной подкрепитель, и увязывает их воедино как в синхронии, так и диахронически (Bandura, 2008, p. 92–93). Метакогнитивные процессы выводят организм и его поведение из-под прямого влияния среды, поскольку производят системный эффект, делающий недостаточными объяснения, основанные на средовом и генетическом влиянии. Именно поэтому личностные детерминанты можно использовать в качестве объяснителей («эксплананса») (Zimmerman, Whitehurst, 1979, p. 10).

Холизм и отрицание множественности «Я». Социально-когнитивная теория агентности предъясвляет и требование неделимости «Я» (Bandura, 1999, p. 168):

во-первых, «Я» не может быть разделено на агент (когда производит действие) и объект (когда реагирует на стимул или отражает что-либо);

во-вторых, идея множественности «Я» в различных контекстах также неприемлема как слишком «философская». В этом вопросе социально-когнитивная теория предельно холистична.

Социальность «Я». Если личность и понимается в социально-когнитивной теории как результат средовых влияний, то остается открытым вопрос о том, как это влияние осуществляется. Особая роль здесь по определению принадлежит социальной среде, одной из ключевых заслуг кото-

рой является предоставление индивиду образцов и моделей поведения для научения и инкорпорации в опыт⁴⁰ (Baer, Bandura, 1963, p. 591–592). Степень точности воспроизведения модели будет зависеть от многих факторов, в том числе механизмов когнитивной обработки, а также способов самоподкрепления и самоконтроля. Рассматриваемый подход исходит из идеи относительной свободы индивида в обращении с подкрепляющими поведение стимулами, эффект воздействия которых может модифицироваться индивидом самостоятельно исходя из его собственных стандартов оценки (Jones, Nelson, Kazdin, 1977, p. 148).

«Диспозициональные» субтеории

«Агентские» идеи социально-когнитивного подхода, в основе которого лежит принцип саморегуляции функционирования и поведения в условиях средовых влияний, противостоит диспозициональным теориям, приписывающим личности набор относительно стабильных, присущих ей надситуативных черт, например, так называемая «Big Five theory» (Stajkovic et al., 2018, p. 241).

С этой точки зрения одной из ключевых детерминант поведения в оригинальном подходе А. Бандуры, как отмечалось, выступает самоэффективность, обладающая выраженным предиктивным потенциалом.

Однако это не означает, что в рамках различных социально-когнитивных субтеорий не предпринимается попыток расширить арсенал подлежащих контролю и управлению переменных, также позволяющих прогнозировать поведение.

Например, в рамках так называемой CAPS-модели («когнитивно-аффективная личностная система») список таких переменных был расширен за счет компетенций и знаний, ожиданий, ценностей и др. (Williams, Cervone, 1998, p. 195), в концепции Деси и Райана (СЕТ-теория) – локуса причинности, контролирующих, демотивирующих и информационных аспектов последствий (Deci, Ryan, 2015; Carton, 1996, p. 244).

Однако еще больший интерес представляет предпринятая попытка создать своего рода диспозициональную модель на основе принципов социально-когнитивного подхода. Речь идет вовсе не о неких врожденных или присущих человеку иным образом диспозициях, чертах и т. п. Мысль, скорее, заключается в том, что названные социальные переменные (ожидания, ценности и др.)⁴¹ с течением времени формируют относительно устойчивую (пусть и весьма динамичную) систему отношений между собой на основе определенного способа когнитивной обработки информации о средовых воздействиях, поведении и т. п. И тогда их можно трактовать как относительно стабильную и устойчивую («consistently») личност-

⁴⁰ Ребенок не может усвоить многие навыки, если у него нет образца (например, использования языка).

⁴¹ См. их перечень в работе (Mischel, Shoda, 2008, p. 210).

ную систему, лежащую в основе конкретных поведенческих проявлений (Mischel, Shoda, 2008, p. 212). Конфигурация *соотношения* этих переменных в определенный период времени (например, во время терапевтической работы) и составляет набор личностных «диспозиций», подлежащих учету либо модификации. Сам факт наличия переменных и их соотношения представляет собой инвариативную часть концепции (в том смысле, что «диспозиции» универсальны), все конкретные поведенческие проявления – уникальны (там же, p. 222–223).

Измерения личностной детерминации. Представления о личностной детерминации являются одним из системообразующих элементов социально-когнитивного подхода, «нивелирующим» диктат средовых воздействий (но вовсе не отменяющим их) (Mischel, 1976, p. 148).

В теории триадной взаимной причинности социоструктурные и личные детерминанты рассматриваются как кофакторы в единой каузальной структуре (Bandura, 1999, p. 187): люди могут влиять на свои собственные действия, чтобы добиться определенных результатов.

В социально-когнитивной теории люди не представляют собой конкретное воплощение универсальных черт и не формируются автоматически под контролем среды. Они участвуют в формировании собственной мотивации, поведения и развития в рамках сети взаимодействующих влияний. Индивиды характеризуются в этой теоретической перспективе с точки зрения ряда фундаментальных

возможностей: представление событий и их отношений в символической форме, научение по последствиям и путем моделирования, самоэффективность и др. (Bandura, 1999, p. 189).

В любом случае вопрос личностной детерминации решается путем анализа соответствующей составляющей внутри реципрокной триады.

Заключение

Нам следует кратко обобщить все сказанное о личностной составляющей бихевиоральных подходов, отметив несколько ключевых моментов.

1. Среди бихевиоральных подходов мы выделили два основных течения: бихевиоризм(-ы) и социально-когнитивный подход (бихевиоральный, но не бихевиористский по наполнению), и обозначили два наиболее интересующих нас тесно связанных отличия между ними – (не)готовность опираться в своих построениях на (гипотетические) конструкции и признание за когнитивной сферой особого статуса.

2. Далее мы вкратце охарактеризовали тот концептуальный набор, с опорой на который оба течения могут ответить на вопрос о личностной проблематике. Причем в этом наборе присутствуют и объединяющие (прагматический уклон, опора на фундаментальные законы поведения, строгость инструментария и т. п.), и разделяющие (отличия в предметном поле, дисциплинарных онтологиях и т. д.) их позиции.

3. Был обозначен и специфический глоссарий – набор понятий, тра-

диционно используемый в персонологических подходах (личность, уникальность, автономность, последовательность, агентность). Нас особо интересовало, каким образом данные термины могли бы быть переведены на «бихевиоральный» язык.

4. При этом мы подчеркнули, что во всех рассматриваемых теориях личностная детерминация рассматривается главным образом в контексте средовой. Можно попытаться сформулировать их общую установку в отношении понятия «личность»: данный концепт не следует употреблять в онтологическом смысле, поскольку это неизбежно ведет к идее о существовании некой экстракаузальной, существующей «самой по себе», инстанции. Если же исходить из того, что «личность» – это «зонтичный» термин для сведения воедино самых разнообразных индивидуальных процессов, то в научном смысле он ничего, по сути, не дает (ведь все эти процессы могут и должны быть изучены отдельно). Вне научного контекста, в том числе в разнообразных практиках, направленных на изменение поведения (клиническая, организационная и т. п.), термин может употребляться без ограничений. Исключение в этом вопросе составляют некоторые концепции, в частности, «психологический бихевиоризм» А. Стаатса и «диспозициональные» субтеории в рамках социально-когнитивного подхода.

5. В этой связи мы выделили несколько характерных особенностей бихевиоризма: признание уникальности индивидов; разработка вопросов (поведенческой) последовательности,

в том числе в связи с персональной историей подкреплений; поведенческая интерпретация «Я» (в т.ч. неприятие идеи автономии субъекта); влияние личных событий и скрытого поведения; модернизация реактивной агентности в «новый механицизм» консервативных подходов; признание за когнитивным равного поведению статуса и отнесение его к средовым по сути факторам в контекстуальных версиях бихевиоризма.

6. Наконец, применительно к социально-когнитивному подходу мы охарактеризовали: особый статус реципрокного детерминизма в понимании личностной проблематики и в попытках трактовать личность; неприятие идеи автономии и экстракаузальной инстанции; системное понимание личностных переменных; развитие теории агентности.

Также мы отметили, что оба течения роднят холистические представления о том, кто именно «ведет себя», и убежденность в социальности человеческого «Я» и поведения.

Литература

Бандура А. (2000). Теория социального научения. СПб.: Евразия.

Барский Ф. И. (2008). Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности // *Методология и история психологии*. Том 3. Вып. 3. С. 93–105.

Большой психологический словарь. (2003). Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-еврознак.

Мазиллов А. В. (2008). Научная психология: проблема объяснения // *Ме-*

тодология и история психологии. Том 3. Вып. 1. С. 58–73.

Немов Р. С. (2007). Психологический словарь. М.: Владос.

Сергеев В. Н. (2017). Две стратегии преодоления механицизма в современном бихевиоризме // *Reflexio*. Т. 10. № 2. С. 5–36.

Скиннер Б. Ф. (2017). Наука и человеческое поведение / Пер. с англ. А. А. Федорова, А. И. Васильева. Новосибирск.

Смит Н. В. (2003). Современные системы психологии. СПб.: Прайм-Еврознак.

Ульман Дж. Д. (2009). Бихевиорология в эпоху постмодерна // *Вестник НГУ. Серия Психология*. Том 3. Вып. 2. С. 32–40.

Ульман Дж. Д. (2019). Радикальный бихевиоризм против прагматизма // *Reflexio*. Том 12. № 1. С. 5–29.

Федоров А. А. (2007а). Категория причинности в радикальном бихевиоризме // *Вестник НГУ. Серия Психология*. Том 1. Вып. 1. С. 20–25.

Федоров А. А. (2007б). Радикальный бихевиоризм и психическая реальность // *Вестник НГУ. Серия Психология*. Том 1. Вып. 2. С. 23–30.

Федоров А. А. (2010). Эволюция единиц анализа поведения в бихевиоризме: Уотсон, Кантор, Скиннер // *Вестник НГУ. Серия Психология*. Том 4. Вып. 1. С. 19–27.

Федоров А. А. (2013). Узник чертова острова // *Вестник НГУ. Серия Психология*. Том 7. Вып. 2. С. 6–14.

Федоров А. А. (2017). Свобода и радикальный бихевиоризм: о реакции на книгу Б. Ф. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства» // *Reflexio*. Том 10. № 1. С. 203–209.

Чемякина А. В. (2013). Проблема личности в русле некоторых психологических теорий // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. № 2 (24). С. 86–91.

Юревич А. В. (2007). Парадигмальные дебаты // *Методология и история психологии*. Том 2. Вып. 3. С. 3–17.

Agent [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/agent>.

Ardila R. (2001). Applied behavior analysis // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Vol. A–B. Elsevier. P. 1064–1069.

Atkins P. W. B., Styles R. G. (2016). Measuring self and rules in what people say: Exploring whether self-discrimination predicts long-term wellbeing // *Journal of Contextual Behavioral Science*. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jcbs.2016.05.001>.

Baer P. E., Bandura A. (1963). Behavior theory and identificatory learning // *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 33. Iss. 4. P. 591–601.

Bandura A. (1978). Reflections on self-efficacy // *Advanced. Behavior Research and Therapy*. Vol. 1. P. 237–269.

Bandura A. (1981). In search of pure unidirectional determinants // *Behavior Therapy*. Vol. 12. P. 30–40.

Bandura A. (1998). Exercise of agency in personal and social change // *Behavior and Cognitive Therapy Today*. Oxford: Pergamon. P. 1–29.

Bandura A. (1999). A social cognitive theory of personality // *Handbook of Personality*. Ed. by L. Pervin, O. John. 2nd ed. New York: Guilford Publications. P. 154–196. [Reprinted in: *The Coherence of Personality*. Ed. by D. Cervone, Y. Shoda. New York: Guilford Press.]

- Bandura A.* (2001). Social cognitive theory: An agentic perspective // *Annu. Review Psychol.* N 52. P. 1–26.
- Bandura A.* (2006). Toward a psychology of human agency // *Perspectives on Psychological Science.* Vol. 1. N 2. P. 164–180.
- Bandura A.* (2008). Reconstrual of “free will” from the agentic perspective of social cognitive theory // *Are We Free? Psychology and Free Will.* Ed. by J. Baer, J. C. Kaufman, R. F. Baumeister. Oxford: Oxford University Press. P. 86–127.
- Bandura A.* (2018). Toward a psychology of human agency: Pathways and reflections // *Perspectives on Psychological Science.* Vol. 13 (2). P. 130–136.
- Barnes D., Roche B.* (1994). Mechanistic ontology and contextualistic epistemology: A contradiction within behavior analysis // *The Behavior Analyst.* Vol. 17. N 1. P. 165–168.
- Barnes-Holmes D.* (2000). Behavioral pragmatism: No place for reality and truth // *Behavior Analyst.* Vol. 23. N 2. P. 191–202.
- Barnes-Holmes D., Hayes S. C., Dymond S.* (2001). Self and self-directed rules // *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition.* Ed. by S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers. P. 119–140.
- Baum W. M.* (2011). Behaviorism, private events, and the molar view of behavior // *The Behavior Analyst.* Vol. 34. N. 2. P. 185–200.
- Baum W. M.* (2013). What counts as behavior? The molar multiscale view // *The Behavior Analyst.* Vol. 36. N 2. P. 283–293.
- Baum W. M.* (2016). On the impossibility of mental causation: Comments on Burgos’ (2015) “Antidualism and anti-mentalism in radical behaviorism” // *Behavior and Philosophy.* Vol. 44. P. 1–5.
- Baum W. M.* (2017). Understanding Behaviorism. Behavior, Culture, and Evolution. 3d ed. John Wiley & Sons, Inc.
- Biglan A., Hayes S. C.* (2016). Functional contextualism and contextual behavioral science // *The Wiley Handbook of Contextual Behavioral Science.* Ed. by Robert D. Zettle, Steven C. Hayes, Dermot Barnes-Holmes, and Anthony Biglan. John Wiley & Sons, Ltd. P. 37–61.
- Brown F. J., Gillard D.* (2015). The “strange death” of radical behaviourism // *The Psychologist.* Vol. 28. N 1. P. 24–27.
- Caprara G. V., Cervone D.* (2004). Personality assessment // *Encyclopedia of Applied Psychology.* Vol. 2. Ed. by Ch. D. Spielberger. Academic Press. P. 11–14.
- Carton J. S.* (1996). The differential effects of tangible rewards and praise on intrinsic motivation: A comparison of cognitive evaluation theory and operant theory // *The Behavior Analyst.* Vol. 19. N 2. P. 237–255.
- Chiesa M.* (2013). Implications of determinism: Personal responsibility and the value of science // *Behavior Theory and Philosophy.* Ed. by Kennon A. Lattal, Philip N. Chase. New York: Springer Science, Business Media. P. 243–258.
- Clayton M. C.* (2006). Self-management contingencies // *European Journal of Behavior Analysis.* Vol. 7. N 2. P. 143–145.
- Colman A. M.* (2015). *A Dictionary of Psychology.* 3d ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acref/9780199534067.001.0001.
- Critchfield T. S., Reed D. D.* (2017). The fuzzy concept of applied behavior

analysis research // Behavior Analyst. Vol. 40. P. 123–159.

Deci E. L., Ryan R. M. (2015). Self-determination theory // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed. Vol. 21. P. 486–491.

Dougher M. J. (1995). A bigger picture: Cause and cognition in relation to differing scientific frameworks // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. Vol. 26. N. 3. P. 215–219.

Fryling M. J. (2016). Finding our mind in behavior analysis: A review of Rachlin's The Escape of the Mind // Behavior and Philosophy. Vol. 44. P. 80–89.

Furman T. M., Lepper T. L. (2018). Applied behavior analysis: Definitional difficulties // The Psychological Record. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40732-018-0282-3>.

Furr R. M. (2009). Personality psychology as a truly behavioural science // European Journal of Personality. Vol. 23. P. 369–401.

García-Penagos A. (2016). Psychology is not the science of the organism, and physiology will not solve the problem of privacy: Commentary on Jacobs et al. (2016) // Conductual. International Journal of Interbehaviorism and Behavior Analysis. Vol. 4. N 1. P. 22–31.

Gifford E. V., Hayes S. C. (1999). Functional contextualism: A pragmatic philosophy for behavioral science // Handbook of Behaviorism. Ed. by W. O'Donohue, R. F. Kitchener. Academic Press. P. 285–327.

Hayes S. C. (2004). Taxonomy as a contextualist views it // Journal of Clinical Psychology. Vol. 60. N 12. P. 1231–1235.

Hayes L. J., Fryling M. J. (2009). Overcoming the pseudo-problem of private

events in the analysis of behavior // Behavior and Philosophy. Vol. 37. P. 39–57.

Hayes L. J., Fryling M. J. (2013). Self-knowledge as interbehavior // Conductual. International Journal of Interbehaviorism and Behavior Analysis. Vol. 1. N 1. P. 26–37.

Hayes S. C., Wilson K. G. (1995). The role of cognition in complex human behavior: A contextualistic perspective // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. Vol. 26. N. 3. P. 241–248.

Hineline P. N. (2001). Beyond the molar–molecular distinction: We need multiscaled analyses // Journal of the Experimental Analysis of Behavior. Vol. 75. Iss. 3. P. 342–347.

Hineline P. N. (2013). When we speak of intentions // Behavior Theory and Philosophy. Ed. by Kennon A. Lattal, Philip N. Chase. New York: Springer Science, Business Media. P. 203–222.

Hughes S., Barnes-Holmes D., Vahey N. (2012). Holding on to our functional roots when exploring new intellectual islands: A voyage through implicit cognition research // Journal of Contextual Behavioral Science. N 1. P. 17–38.

Individuality [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/individuality>.

Jones R. T., Nelson R. E., Kazdin A. E. (1977). The role of external variables in self-reinforcement // Behavior Modification. Vol. 1. N 2. P. 147–178.

Keller F. S., Schoenfeld W. N. (1995). Principles of Psychology. B. F. Skinner Foundation.

Layng T. V. J. (2017). Private emotions as contingency descriptors: Emotions, emotional behavior, and their evo-

lution // *European Journal of Behavior Analysis*. DOI: 10.1080/15021149.2017.1304875.

Lazzeri F. (2015). On the place of behavior in the analysis of psychological categories // *Psychological Record*. DOI: 10.1007/s40732-015-0121-8.

Mischel W. (1976). The self as the person: A cognitive social learning view // *Humanism and Behaviorism: Dialogue and Growth*. Ed. by A. Wandersman, P. J. Poppen, D. F. Ricks. Oxford, New York, Toronto, Sydney, Paris: Pergamon Press. P. 145–156.

Mischel W., Shoda Y. (2008). Toward a unified theory of personality integrating dispositions and processing dynamics within the cognitive-affective processing system // *Handbook of Personality: Theory and Research*. Ed. by Oliver P. John, Richard W. Robins, Lawrence A. Pervin. 3rd ed. New York: The Guilford Press. P. 208–241.

Moore J. (2009). Why the radical behaviorist conception of private events is interesting, relevant, and important // *Behavior and Philosophy*. Vol. 37. P. 21–37.

Moore J. (2013). Explanation and description in traditional neobehaviorism, cognitive psychology, and behavior analysis // *Behavior Theory and Philosophy*. Ed. by K. A. Lattal, P. N. Chase. New York: Springer Science, Business Media. P. 13–40.

Morris E. K. (1993). Mechanism and contextualism in behavior analysis: Just some observations // *The Behavior Analyst*. Vol. 16. N 2. P. 255–268.

Morris E. K. (1997). Some reflections on contextualism, mechanism, and behavior analysis // *The Psychological Record*. Vol. 47. P. 529–542.

O'Donohue W., Kitchener R. F. (1999). Introduction: The behaviorisms // *Handbook of Behaviorism*. Ed. by William O'Donohue, Richard F. Kitchener. Academic Press. P. 1–13.

Parker Ch. R., Bolling M. Y., Kohlenberg R. J. (1998). Operant theory of personality // *Advanced Personality*. Ed. by D. F. Barone, M. Hersen, V. B. van Hasselt. New York: Springer Science, Business Media. P. 155–172.

Personality [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/personality>.

Personology [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/personology>.

Phelps B. J. (2015). Behavioral perspectives on personality and self // *The Psychological Record*. DOI: 10.1007/s40732-014-0115-y.

Poppen P. J., Wandersman A., Wandersman L. P. (1976). What are humanism and behaviorism and what can they say to each other? // *Humanism and Behaviorism: Dialogue and Growth*. Ed. by A. Wandersman, P. J. Poppen, D. F. Ricks. Oxford, New York, Toronto, Sydney, Paris: Pergamon Press. P. 3–33.

Rachlin H. (2013). Privacy // *Behavior Theory and Philosophy*. Ed. by Kennon A. Lattal and Philip N. Chase. New York: Springer Science, Business Media. P. 187–202.

Reese H. W. (1993). Comments about Morris' paper // *The Behavior Analyst*. Vol. 16. N 1. P. 67–74.

Rosenthal T. L. (1979). Applying a cognitive behavioral view to clinical and social problems // *The Functions of Language and Cognition*. Ed. by Grover J. Whitehurst, Barry J. Zimmerman. New York: Academic Press. P. 265–293.

Rychlak J. F. (1976). Is a concept of "self" necessary in psychological theory, and if so why? A humanistic perspective // *Humanism and Behaviorism: Dialogue and Growth*. Ed. by A. Wandersman, P. J. Poppen, D. F. Ricks. New York: Pergamon Press. P. 121–143.

Sahin F., Cetin F. (2016). The mediating role of general self-efficacy in the relationship between the big five personality traits and perceived stress: A weekly assessment study // *Psychological Studies*. DOI: 10.1007/s12646-016-0382-6.

Schlinger Jr. H. D. (2013). A functional analysis of psychological terms redux // *The Behavior Analyst*. Vol. 36. N 2. P. 255–266.

Self [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/self>.

Shapiro E. S., Browder D. M. (1990). Behavioral assessment // *Handbook of Behavior Modification with the Mentally Retarded*. Ed. by J. L. Matson. 2nd ed. Springer Science, Business Media. P. 93–122.

Skinner B. F. (1974). *About Behaviorism*. New York: Vintage Books Edition.

Skinner B. F. (2013). *Contingences of Reinforcement. A Theoretical Analysis*. B. F. Skinner Foundation Reprint Series.

Staats A. W. (1996). *Behavior and Personality*. Psychological Behaviorism. Springer Publishing Company, Inc.

Staats A. W. (2003). A psychological behaviorism theory of personality // *Handbook of Psychology*. Vol. 5. Personality and Social Psychology. Ed. by Th. Millon, M. J. Lerner. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 135–158.

Stajkovic A. D. et al. (2018). Test of three conceptual models of influence of the big five personality traits and self-efficacy on academic performance: A meta-analytic path-analysis // *Personality and Individual Differences*. Vol. 120. P. 238–245.

Stimulus Function [Электронный ресурс]: APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/stimulus-function>.

The Cambridge Dictionary of Psychology. (2009). Ed. by D. Matsumoto. New York: Cambridge University Press.

Tryon W. W. (1981). A methodological critique of Bandura's self-efficacy theory of behavior change // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. Vol. 12. N 2. P. 113–114.

Tryon W. W. (1982). Reinforcement history as possible basis for the relationship between self-percepts of efficacy and responses to treatment // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. Vol. 13. N 3. P. 201–202.

Watson J. B. (1913). Psychology as the behaviorist views it // *Psychological Review*. Vol. 20. P. 158–177.

Williams S. L., Cervone D. (1998). Social cognitive theories of personality // *Advanced Personality*. Ed. by D. F. Barone, M. Hersen, V. B. van Hasselt. New York: Springer Science, Business Media. P. 173–208.

Zimmerman B. J., Whitehurst G. J. (1979). Structure and function: A comparison of two views of the development of language and cognition // *The Functions of Language and Cognition*. Ed. by Grover J. Whitehurst, Barry J. Zimmerman. New York: Academic Press. P. 1–22.